Я падаю на колени в золотой песок, кровь окрашивает мои зубы, и я задыхаюсь от боли. Я едва успеваю среагировать на ощущение, что мне раздавили нос, как огромная горящая рука хватает меня за шею и швыряет на другую сторону арены.

Я приземляюсь в облаке пыли, отчаянно кашляя, когда чувствую, как боль пронзает мою спину. Есть только одна мысль, поглощающая меня, когда я слышу, как проявление моей внутренней тьмы приближается с рычащими звуками.

- Почему я еще не умер?

Меня бьют уже почти целую минуту, и все же все, о чем я могу думать, это о том, что одного первого удара должно было быть более чем достаточно, чтобы превратить каждую кость в моем теле в пыль. Прежде чем я успеваю подумать дальше, чья-то нога опускается мне на спину, и я не могу сдержать крик, так как весь мой разум наполнен болью.

Нога удаляется только после того, как мне кажется, что прошла вечность (учитывая, что это астральный план, это вполне могло быть), и я чувствую, как меня поднимают с песка за горло, моя олицетворенная ярость держит меня так, что мы стоим лицом к лицу, бессмысленный гнев горит в этих пылающих глазах.

- Подумай! Подумай! Черт возьми, если ты не думаешь, что умрешь! Думай, придурок!

Но я не могу думать, потому что пылающий кулак погружается мне в живот, хотя рука, сжимающая мое горло, не дает мне улететь, оставляя меня в идеальном положении для еще трех ударов в быстрой последовательности.

К тому времени моему противнику, очевидно, надоело использовать меня в качестве боксерской груши, и он отпускает мое горло. Однако прежде чем я успеваю упасть на землю, чья-то нога врезается мне в грудь, и меня снова швыряет через всю арену.

Я снова больно шлепаюсь на песок, поднимая облако пыли, но, лежа на спине и глядя в чернильную черноту неба надо мной, хватая ртом воздух, я наконец что-то замечаю.

Странные свойства моей астральной проекции.

Дело было не только в том, что углы были ... неправильными таким образом, что Эшер в замешательстве почесал бы голову, или что я просто знал, что в моей форме была глубина, простирающаяся в измерениях, которые понимал только сам Г. П. Лавкрафт.

Это было на самом деле так, что ощущения зарегистрированы.

В памяти всплыло слабое жгучее ощущение от пощечины Рамонды, ощущение, что удар от ее пощечины должен пройти невообразимые расстояния, прежде чем болевой импульс достигнет

моего мозга. Боль от удара, вызванного проявлением ярости, была настолько всепоглощающей, что я не заметил ее, но подозревал, что даже ее атаки были каким-то образом приглушены.

Как будто я не был полностью здесь, или, по крайней мере, на том же уровне измерения.

Конечно, это осознание абсолютно ничего не сделало, чтобы остановить проявление от того, чтобы опуститься на мое распростертое тело, колени по обе стороны от моих плеч, и начать бить меня по лицу.

- Подумай!

Удар обрушивается на мое лицо, отбрасывая его вправо.

- Ну же, тебе надо подумать!

Еще один удар, на этот раз по лицу слева.

-Ты здесь умираешь! Давай, придумай что-нибудь, хоть что-нибудь!

Но я не могу думать, потому что на этот раз удар опускается с такой силой, что выбивает зуб, разбрызгивая кровь по песку.

Я не могу думать.

Я не могу думать.

Я не могу думать.

Я не могу-

Удар чуть не разрывает мне глазницу, но пронзающая боль придает внезапную ясность моим мыслям.

Это испытание тела.

Конечно, размышления не приносят мне никакой пользы. Я столкнулся с проявлением всех моих самых темных эмоций, и я пытаюсь перехитрить его. Учитывая кровь, разбрызганную по песку, этот подход явно не работает для меня.

Поэтому вместо этого я просто перестаю думать и просто реагирую.

Когда монстр на мне поднимает обе руки назад, чтобы нанести жестокий удар молотом по моей голове, я издаю свой собственный рев и ударяю его прямо в диафрагму.

Результат… по меньшей мере интересный.

Мой кулак погружается в его плоть гораздо глубже, чем он должен, но это также странно, как будто я просто вытягиваю руку все дальше и дальше, и конца этому не видно. Неевклидовы углы моего тела как-то заостряются, и, несмотря на то, что кулак моей астральной проекции как раз человеческого размера, на его груди остается отпечаток размером со щит Кэпа.

Чудовище ярости отбрасывается от меня, но даже это как-то неправильно. Вместо того, чтобы быть взорванным из-за удара мощного объекта, вместо этого полет выглядит так, как будто его уносит от меня какой-то гигантский, невидимый кулак.

На этот раз проявление врезается в стену арены, создавая облако пыли, и когда я медленно поднимаюсь на ноги, я вижу, как Баст садится от внезапного поворота.

Бессмысленный рев сметает клубящуюся пыль, и существо, сделанное из ярости, кажется, еще больше разозлилось. Прежде чем я успеваю сообразить, что делать дальше, он снова мчится ко мне, прыгая на четвереньках по окровавленному песку, так что вместо того, чтобы думать, я снова реагирую.

Как только темная сторона меня достигает меня, поднимая одну руку размером со ствол дерева с намерением размозжить мою голову, я тоже наношу удар, наши кулаки ударяют друг друга в лицо одновременно, это чувство бытия… больше под кожей этой проекции, заполняющей мои чувства.

Как и каждый раз до сих пор, меня бросает в полет чистая сила, которой обладает эта чудовищная часть меня, но на этот раз я не единственный, кто ест грязь. Даже когда меня отправляют в полет, я вижу своим единственным не опухшим глазом, что чудовище вдавлено в песок, как будто его ударила рука Бога.

Я снова врезаюсь в неумолимый камень стен, огонь пронзает мой позвоночник, и я кричу от боли, падая на колени.

Своим единственным здоровым глазом я смотрю вверх, опираясь на дрожащие руки, и вижу, как чудовище тоже поднимается на ноги, а позади него, не сдвинувшись ни на дюйм, сидит Баст, царственно взирая на наш поединок, как император на гладиаторский поединок.

Что-то в этом образе задело меня за живое, и на краткий миг перед моими глазами вспыхнула сцена: город небоскребов, перевернутый на бок, в то время как старик властно смотрит сверху вниз на двух сражающихся, размахивающих мечами такого же размера, как они сами, один похож на призрачную версию другого, кричащего что-то о том, что он король с безумным ликованием.

Сцена с силой вылетает из моей головы, когда пылающее колено ударяет по ней с такой силой, что разбивает камень, и меня отбрасывает назад в кратер, который я уже сделал в стене арены.

Монстр снова пытается ударить меня, но я тоже бросаюсь вперед, моя раскрытая ладонь сжимает его кулак, стискивая свои окровавленные зубы от ощущения горящей кожи, прежде чем я пинаю его в грудь.

Манифестация уносится гораздо дальше от меня, моя нога на самом деле длинная, и он врезается в противоположную стену так же, как я только что.

Я могу сказать, что нахожусь на правильном пути, отказавшись от мыслей о том, как выйти из испытания тела, но я также могу сказать, что это еще не все.

И моя Астральная проекция, и моя внутренняя тьма поднимаются на ноги, и мы лишь на мгновение встречаемся взглядами, прежде чем он издает рев, полный бессмысленной ненависти, и снова бросается на меня.

На этот раз я выбегаю ему навстречу (хотя он намного быстрее меня), и когда мы встречаемся на моей половине арены, его мускулистые руки опускаются на меня с намерением буквально вбить меня в землю. На этот раз я протягиваю руку, чтобы перехватить его атаку, и хотя чувствую, что кости в моих руках ломаются от удара, я остаюсь стоять, пот и кровь льются по моему лицу в равной мере.

Он рычит мне в лицо, его огненное дыхание почти сжигает мои брови, и, действуя чисто инстинктивно, я реву в ответ (хотя, конечно, это гораздо менее впечатляюще)

Но ведь это не совсем правильно, верно?

Просто вопить друг на друга, пока кого-нибудь из нас не избьют до полусмерти? Конечно, Баст может подумать, что моя физическая боль забавна, но зачем использовать эту манеру? Зачем противопоставлять мое первоначальное тело из моей первоначальной Вселенной импульсам моего нового тела?

Мои безумные мысли прерывает существо, пинающее меня в грудь, посылая меня на Землю еще раз, но когда оно опускается на меня с топотом, я инстинктивно набрасываюсь на него, пиная в бок.

Хотя моя нога соприкасается только с кусочком кожи над бедром, все тело монстра приподнято, кожа поддается под действием невидимой силы, такой же большой, как и она, лавкрафтовские углы моего тела кружатся и смещаются так, что у меня кружится голова, когда я смотрю на них слишком близко.

Чудовище отскакивает от меня и пару раз подпрыгивает на песке, прежде чем врезаться в ворота, из которых он только что вышел, сминая металл вокруг его массивной рамы. Когда и я, и мой противник снова поднимаемся на ноги (какой бы урон я ни нанес ему, если он вообще был нанесен, он уже зажил) Я не могу не вспомнить ту сцену, которая мелькнула в моей голове несколько мгновений назад.

Я смотрю туда, где лежит Баст, и чувствую, как внутри меня нарастает ненависть, когда я смотрю на неподвижную богиню. Пора испортить ее маленькое шоу.

http://tl.rulate.ru/book/49515/1253194